

Р. Ю. Почекаев

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР К. П. ФОН КАУФМАН О РЕФОРМЕ
ТРАДИЦИОННЫХ СУДОВ ТУРКЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-43-52

УДК 94(575.4)“18”:342.56 ББК 63.3(2)522-36

Статья посвящена проектам преобразования системы традиционных судов в Туркестанском крае, предлагавшимся в 1870-х гг. генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом, а также проблемам, с которыми ему пришлось столкнуться при их реализации. Судебные преобразования анализируются как одно из направлений политики фронтальной модернизации русской Средней Азии во второй половине XIX в., причем сами преобразования в судебной сфере выступали одновременно и как средство, и как цель модернизационных мероприятий. Специфика региона в сочетании с неоднозначным отношением представителей центральных и региональных властей к предложениям Кауфмана обусловила особый подход к данным реформам, которые, по мнению автора, осуществлялись в формате аккультурации. Анализируются проблемы, с которыми пришлось столкнуться Кауфману и его подчиненным в процессе проводимых преобразований, представляются оценки результатов реформ со стороны ее инициатора и его оппонентов. Автор приходит к выводу, что в силу различных причин и обстоятельств К. П. фон Кауфман не преуспел в проведении судебной реформы, однако ряд его предложений впоследствии был учтен в рамках дальнейших преобразований в Туркестанском крае. Основными источниками исследования являются документы самого Кауфмана (положения и проекты положений, циркуляры, отчеты), также привлекаются документы и материалы, отражающие отношение к его преобразованиям представителей имперских властей.

Ключевые слова: *Российская империя, Туркестанский край, традиционный суд, судебная реформа, К. П. фон Кауфман, фронтальная модернизация, аккультурация*

Формирование региональной структуры России в имперский период было неразрывно связано с постоянным расширением за счет приращения новых территорий с одновременным освоением вновь обретенного пространства с целью приведения его в соответствие с уровнем наиболее развитых регионов. Этот процесс в современной историографии получил название фронтальной модернизации, причем это общее название не означало, что ее методы, средства и темпы одинаково применялись к различным из вновь осваиваемых

территорий.¹ На выбор путей и методов фронтальной модернизации влияли самые разнообразные внутренние и внешние факторы: размеры региона, состав его населения, геополитическое положение, уровень внешней безопасности, а также время начала модернизации в соотношении с аналогичными процессами в других регионах и временем присоединения.²

К числу наиболее противоречивых с точки зрения модернизационной политики регионов Российской империи следует отнести Туркестанский край, исследования которого в этом аспекте весьма немногочисленны.³ Между тем Русский Туркестан представляет весьма интересный пример использования многообразия подходов и методов в преобразовательной

Почекаев Роман Юлианович — д.и.н., к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург)
E-mail: rpochekaev@hse.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)» (рук. Е. А. Крестьянников). Автор благодарит д.и.н. Д. В. Васильева, профессора МГПУ, за консультации по тематике исследования и возможность ознакомиться с рядом архивных материалов

¹ См.: Побережников И. В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // *Цивилизация*. М., 2015. Вып. 10. С. 181–184.

² См.: Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61). С. 74, 77.

³ См., напр.: Котюкова Т. В. Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации Российской империи в конце XIX — начале XX в. // *Ислам в современном мире*. 2015. Т. 11, № 1. С. 43–54.

деятельности — как в целом, так и по отдельным аспектам.

Сравнивая обстоятельства вхождения Туркестана в состав Российской империи с другими регионами, можно провести наиболее явные параллели с Дальним Востоком.⁴ Во-первых, оба региона были присоединены к России примерно в одно и то же время, причем намного позднее соседних территорий — Казахской степи и Восточной Сибири соответственно. Оба региона находились далеко от имперского центра. И Туркестан, и Дальний Восток имели важное геополитическое значение, что влекло соперничество за контроль над ними мировых и региональных держав. Наиболее серьезным отличием новоприсоединенных среднеазиатских владений России от дальневосточных являлось гораздо более многочисленное население, которое к тому же было разнообразным по языку, образу жизни, культуре, но при этом обладало развитой культурой, существенно отличавшейся от культуры населения не только центральных, но и соседних регионов России.

Именно развитая мусульманская культура предопределила основное направление фронтальной модернизации Туркестанского края — воздействие на систему традиционных ценностей населения, за счет которого имперская администрация планировала осуществить интеграцию коренных жителей в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство, приобщив их при этом к российским ценностям. В связи с этим нельзя не отметить еще один важный фактор фронтальной модернизации, который далеко не всегда учитывается исследователями — личности непосредственных участников модернизационных процессов, их позицию относительно преобразований и взаимоотношения с другими участниками.⁵

В статье предпринимается попытка анализа личностного фактора процесса фронтальной модернизации в Туркестанском крае на примере деятельности его первого генерал-губернатора (с 1867 по 1882 гг.) — «завоевателя и устроителя» края Константина Петровича фон Кауфмана (1818–1882). Наше исследование

акцентируется на одном из аспектов его политики — судебной реформе.

Выбор обусловлен тем, что суд и процесс, представляя собой правоприменительную деятельность, относятся к важнейшим способам координации социального взаимодействия и, как следствие, модернизационной деятельности.⁶ Анализ преобразований в судебной сфере позволяет наглядно показать принципы реформаторской деятельности К. П. фон Кауфмана в целом. Но, анализируя ее с точки зрения фронтальной модернизации, мы сочли целесообразным исследовать преобразование не всей судебной системы Туркестана, а традиционных судебных институтов («народных судов») с целью их интеграции в систему суда и процесса Туркестанского края как неотъемлемой части Российской империи.

Политика К. П. фон Кауфмана в отношении традиционных судов, действовавших на территории Русского Туркестана, насколько нам известно, до сих пор специально не исследовалась. Отдельные вопросы, связанные с этим направлением, затрагивались специалистами в контексте анализа проектов административного и правового развития края в целом, роли шариата в регулировании жизни мусульманского населения под российской властью, а также в рамках сравнительного исследования традиционных судов в разных регионах — Казахской степи, Кавказа и пр.⁷ При этом позиция Кауфмана и отношение к ней имперских властей детально не изучались. Мы намерены показать, что эти аспекты представляют большой интерес с точки зрения особенностей фронтальной модернизации в Туркестане в целом.

Основными источниками исследования стали документы, подготовленные самим К. П. фон Кауфманом либо под его руководством: проекты об управлении Туркестанским краем 1871 и 1873 гг., пояснительные записки к ним, положения об управлении отдельными административно-территориальными единицами края (Амударьинский отдел), циркуляры

⁴ См.: Побережников И. В. Периферийная модернизация... С. 193, 194.

⁵ Примечательно, что на уровне отдельных социальных групп такие исследования проводились с применением так называемого акторного подхода, см.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.

⁶ См., напр.: Анисимова И. В. Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX — начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 209.

⁷ См., напр.: Анисимова И. В. Указ. соч. С. 214, 215; Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 13; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 99, 100; Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций. М., 2020. С. 110–141.

о проблемах взаимодействия российских властей и местного населения в процессуальной сфере, а также проект отчета Кауфмана об управлении краем. Также представляют интерес материалы, отражающие мнение центральных российских ведомств по поводу упомянутых проектов, результаты ревизии края под руководством Ф. К. Гирса в 1883 г., в том числе включенные в него документы о деятельности народных судов Туркестана, и их интерпретация ревизором.

К. П. фон Кауфман вступил в должность генерал-губернатора Туркестанского края в 1867 г. и первые годы посвятил системе административного устройства в целом (вопросам землевладения и землепользования, налогообложения и взаимодействия имперских властей с местным мусульманским населением).⁸

Впервые вопрос о судеустройстве был поднят в «Положении об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства» 1873 г.⁹ Этот документ, в том числе в части судеустройства, тщательно изучен Д. В. Васильевым,¹⁰ мы же намерены проанализировать пояснительную записку к нему,¹¹ которая, как представляется, отражает именно субъективное отношение К. П. фон Кауфмана к традиционным судам Туркестана и возможности их преобразования.

В этой записке проявился крайне осторожный подход генерал-губернатора и созданной им комиссии по подготовке проекта «Положения» к реформе традиционных судебных институтов и процессуальных отношений в Туркестанском крае: «Она [комиссия — *Р. П.*] сознавала, что эта задача есть самая трудная для правительства, и признавала необходимым, чтобы создаваемый суд для покоренного народа, прежде всего, согласовался с его понятием, так как народ имеет с судом беспрестанное соприкосновение в своей жизни и интересах».¹²

Поводом для преобразований послужили действия родоплеменных вождей казахов Туркестанской области и Алатавского округа, которые, пользуясь неопределенностью российской политики, фактически захватили всю полноту административной и судебной влас-

ти над подконтрольными им кочевниками.¹³ Именно это и подвигло К. П. фон Кауфмана привлечь внимание к суду биев «в виду прочности» его и предложить некоторые преобразования в соответствии с общей административной реформой в крае. При этом в записке подчеркивалось, что судебные системы кочевого и оседлого населения региона не имели ничего общего, и по каждому из них предлагался отдельный комплекс мер для их адаптации к российскому правлению.

Несмотря на стремление приобщить население Туркестана к российским ценностям, Кауфман осознавал, что не следует форсировать события и сразу же распространять на него действие имперских правовых норм и судебных институтов. Обосновывает свою осторожную позицию генерал-губернатор анализом негативного опыта Британской империи в Индии: «Неуспешное введение англичанами своих законов в Индии служит в этом случае наглядным примером. Возбудив к себе ненависть народа, Англия, после продолжительной борьбы, должна была уступить требованиям народной жизни и ввести народный суд с некоторыми лишь ограничениями».

В связи с этим примером нельзя не обратить внимания на то, что вообще-то К. П. фон Кауфман не был склонен использовать более ранний опыт Российской империи по преобразованию традиционных судов восточных народов и их интеграции в состав имперской судебной системы. Единственный пример, на который он ссылается в пояснительной записке — это удачный, по его мнению, опыт деятельности комиссии по интеграции Крыма в состав Российской империи в эпоху правления Екатерины II: они, не упразднив местный мусульманский суд кадиев, позволили татарам обращаться и в российские судебные инстанции.¹⁴

Характерно, что генерал-губернатор не ссылается на более близкий ему хронологически опыт организации традиционных судов в других восточных регионах Российской империи, хотя фактически таковой, несомненно, принимался во внимание. Так, например, В. О. Бобровников убедительно показывает, что при разработке мер по реорганизации традиционных судов в Туркестане местные администраторы учитывали опыт Кавказского

⁸ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. Д. 261. Л. 4–105.

⁹ См.: Там же. Д. 334. Л. 22–91.

¹⁰ См.: Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 269–308.

¹¹ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 100–160.

¹² Там же. Л. 125об.

¹³ См.: Там же. Л. 126.

¹⁴ См.: Там же. Л. 126об.–127. См. также: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 287.

наместничества.¹⁵ А суд у казахов Туркестанского края, конечно же, имел немало параллелей с традиционным судом Степных областей. Поэтому неудивительно, что по факту К. П. фон Кауфман и его сподвижники использовали наработки имперских администраций, занимавшихся преобразованиями в Казахской степи, начиная со времен М. М. Сперанского и заканчивая масштабной реформой 1868 г.¹⁶ Однако признавать факт заимствования Кауфман, скорее всего, не желал, стремясь предстать самодостаточным реформатором и неустанно подчеркивая специфику вверенного ему региона, имеющего слишком много отличий от других имперских владений.¹⁷

Предыдущий же опыт реорганизации местных судов в самом Туркестане представлялся Кауфману полем для критики. Он весьма сурово осудил попытки первого военного губернатора Туркестанской области М. Г. Черняева создать после завоевания Ташкента суд кадиев с участием российских чиновников. С одной стороны, самими мусульманами появление такого суда было воспринято как «явное нарушение шариата». С другой стороны, и русские чиновники, вовлеченные в эти процессуальные отношения, не знали тонкостей мусульманского судопроизводства и поэтому нередко принимали решения «по убеждению своему и закону [т. е. российскому имперскому законодательству — *Р. П.*]», что, в свою очередь, вызывало недовольство мусульман. Такая критика позволила Кауфману «обнулить» действия своих предшественников и предложить собственные меры по реформированию традиционных судов в Туркестане.¹⁸

¹⁵ См.: Центральная Азия... С. 111. Впрочем, далее (с. 133) сам же исследователь указывает, что наиболее явно этот опыт был использован при создании системы туркменских народных судов в Закаспийской области, что было, конечно же, неслучайно: ведь до 1890 г. этот регион находился в подчинении именно кавказских, а не туркестанских властей.

¹⁶ См.: Morrison A. S. *Russian rule in Samarkand, 1868–1910: A comparison with British India*. Oxford, 2008. P. 251–252. Отметим, что действие судебных уставов, принятых в результате реформы 1864 г., и в других регионах Азиатской России распространилось намного позднее: в Сибири — в 1880-х гг., а в Степном крае — лишь к самому концу XIX в., см.: Анисимова И. В. Указ. соч. С. 212; Крестьянников Е. А. Судебная реформа в Западной Сибири. Тюмень, 2009. С. 4.

¹⁷ В связи с этим нельзя не вспомнить характеристику, которую дал К. П. фон Кауфману его начальник, военный министр Д. А. Милютин: «Были у него, конечно, и свои слабые стороны, подававшие повод к насмешкам: он был падок на внешние почести, хотел разыгрывать роль царька», — см.: *Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890*. М., 2010. С. 34.

¹⁸ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 1260б. См. также: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 287.

В чем же состояли реформаторские идеи Кауфмана? Во-первых, он предлагал сохранить в волостях, населенных кочевниками, традиционный суд биев, однако его предполагалось институционализировать.¹⁹ Во-вторых, раньше тяжущиеся могли самостоятельно выбрать судью (судей) — теперь же их выбор ограничивался теми, которые выбирались населением волости и утверждались имперской уездной администрацией — от 4 до 8 биев в каждой волости в зависимости от численности ее населения. В-третьих, такие бии единолично могли принимать окончательные решения лишь по иску до 100 руб.; по искам до 1 000 руб. окончательные решения принимали волостные съезды биев, а на большую сумму — только чрезвычайные съезды биев, причем их решение могло быть обжаловано в российских судебных инстанциях. В-четвертых, после назначения бии получали бронзовый нагрудный знак и печать, тем самым приобретая статус, близкий к низовым представителям российского имперского суда. Наконец, судебное решение должно было оформляться в письменном виде, и копия решения выдавалась стороне, в чью пользу оно было вынесено.²⁰

В отличие от суда биев, который, по мнению Кауфмана, никак не вредил интересам российских властей в крае, шариатский суд кадиев являлся объектом его жесткой критики, что вполне вписывалось в его политику «игнорирования ислама». ²¹ Характеристика, данная генерал-губернатором кадиям, осуществлявшим суд на территории Туркестана до присоединения его к России: «Эти святоши суть главнейшие проводники фанатизма, вредные для народа, могущие быть опасными для правительства. Жаловаться на них — смертный грех против бога, ибо они творят суд на основании шариата». ²²

В проекте 1873 г. предлагалось создать судебные участки, и каждый кадий мог судить только в пределах собственного участка. Тем самым, по замыслу К. П. фон Кауфмана, снижалось влияние прежних кадиев, назначавшихся ханскими властями. ²³ Его критическое

¹⁹ См.: Тухтаметов Ф. Т. *Правовое положение Туркестана в Российской империи: вторая половина XIX века*. Уфа, 1999. С. 53. Ср.: Сартори П. *Идеи о справедливости: шариат и культурные изменения в русском Туркестане*. М., 2022. С. 151.

²⁰ См. подробнее: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 287, 288.

²¹ См. подробнее: Россия — Средняя Азия. М., 2011. Т. 1. С. 126–129.

²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 129.

²³ См.: Там же. См. также: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 288.

отношение к шариатским судьям ярко демонстрирует следующий эпизод. В 1871 г. около 60 кадиев, лишенных судебных полномочий после присоединения Туркестана к России, обратились к Кауфману с петицией, прося вернуть им должности, поскольку они были полностью лояльны имперским властям и уважали российское законодательство. Генерал-губернатор проигнорировал их обращение, вероятно, тогда уже имея в виду будущие преобразования системы мусульманских судов Туркестана.²⁴

Отметим, однако, что в отношении суда кадиев, который, по словам Кауфмана, не имел ничего общего с судом биев, как ни странно, предлагались практически те же самые реформы. Точно так же следовало кадиев избирать (правда, не по волостям, а по городам и селениям), вручать им бронзовые знаки и печати и требовать письменно фиксировать судебные решения. Более того, даже компетенция единоличных судов кадиев и их съездов была аналогичной компетенции таких же инстанций суда биев! Принципиальным отличием между судами биев и кадиев, которое подчеркивал К. П. фон Кауфман, была основа для принятия решений: казахские суды опирались на обычное право (адат), а мусульманские — на шариат.²⁵

Тем не менее генерал-губернатор считал такие преобразования шариатских судов весьма эффективным воплощением политики «игнорирования ислама» в процессуальной сфере: «Построенный на этих началах суд казиев у сартов оказался на практике не только не вредным для правительства, но оставление его, при существующей подкупности казиев, служит к уменьшению их значения и, напротив того, наш суд приобретает доверие народа. Следовательно, с одной стороны, уменьшается число точек соприкосновения с расадниками мусульманского фанатизма, а с другой увеличивается число точек соприкосновения с органами гуманности и начал цивилизации, что, без сомнения, полезно для народа и желательно для правительства».²⁶

Итак, предлагаемые К. П. фон Кауфманом меры по преобразованию традиционных судов в Туркестане были весьма осторожными, являясь лишь первым шагом на пути к интеграции

этих институтов в судебную систему Российской империи. Судьи получали русские знаки, символизирующие их полномочия, кроме того, в отношении их деятельности декларировались те же принципы, на которые опирались судебные институты Российской империи после реформы 1864 г.: гласность, открытость, быстрота рассмотрения дел и пр.²⁷

Распространение имперского права на кочевое и оседлое население края проектом 1873 г. не предусматривалось. Более того, в работе съездов народных судей должны были принимать участие уездные начальники или их представители, но им категорически запрещалось вмешиваться в суд и предписывалось лишь осуществлять контроль за соблюдением судьями требований, изложенных в проекте «Положения».²⁸ Как-то регламентировать деятельность этих съездов чиновникам запрещалось, «ибо подобная регламентация обращала бы обычное право в положительное и весьма часто ко вреду народа».²⁹

В качестве альтернативы Кауфман предлагал предоставить местному населению право обращаться в российский суд — не только как в апелляционную, но и как в первичную судебную инстанцию по обоюдному согласию тяжущихся. Более того, со временем планировалось в ряде административно-территориальных единиц, население которых являлось наиболее лояльным к России, ввести право обращаться к имперскому суду по инициативе даже одной стороны.³⁰

Такой подход к преобразованиям традиционных судов Туркестана можно охарактеризовать как аккультурацию: по замыслу К. П. фон Кауфмана, они должны были испытать некоторое влияние имперской судебной системы, но при этом не утрачивали своей этнической и религиозной идентичности.³¹ Характерно, что это разграничение касалось не только традиционных и имперских судов, но и судов по адату и шариату. Генерал-губернатор объяснял принципиальное разделение этих

²⁷ См.: Там же. Л. 129.

²⁸ См.: Там же. Л. 750б.

²⁹ Там же. Л. 1270б.

³⁰ См.: Там же. Л. 128, 1290б.

³¹ См.: Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография. Оренбург, 2019. С. 11, 16, 23, 29; Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840006065-0 (дата обращения: 07.05.2023).

²⁴ См.: Morrison A. S. Op. cit. P. 255–257.

²⁵ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 1250б.; Васильев Д. В. Указ. соч. С. 288, 289.

²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 1290б.

судов, несмотря на значительные их сходства, намерением воспрепятствовать «киргизам» (казахам) обращаться к суду кадиев, который «развивает фанатизм и вместе с тем ставит народу тесную рамку для умственного развития; в виду правительственных целей суд этот может быть только терпим и то при известных ограничениях».³²

Проект 1873 г. в целом был резко раскритикован специальной комиссией, причем весьма суровая оценка была дана и положениям о традиционных судах. Дипломат и востоковед Н. Ф. Петровский обвинил Кауфмана в непоследируемости, используя против него его же собственные аргументы. Чиновник выражал недоумение по поводу радикальных преобразований суда биев, который, по мнению составителей проекта, никак не вредил российским интересам в Туркестане. И в то же время, продолжал Петровский, вредный для русских властей шариатский суд, согласно проекту, практически не менялся по сравнению с «ханским» периодом истории региона.³³ Не ограничиваясь собственной критикой предложений Кауфмана, члены комиссии организовали таковую и на общественном уровне — на страницах средств массовой информации, где те же аргументы транслировались уже для более широких кругов.³⁴ В результате проект был отвергнут, но Кауфман, используя свои чрезвычайные полномочия, постарался реализовать свои предложения *de facto*.³⁵

Однако на практике его меры столкнулись с целым рядом проблем, и вскоре Кауфману пришлось вырабатывать дополнительные решения для их устранения. Результатом несоответствия теории практике стал ряд циркуляров генерал-губернатора с дополнительными рекомендациями своим подчиненным по оптимизации взаимодействия с традиционными судами, а также с теми представителями коренного населения, которые обращались в имперские судебные инстанции.

Так, в мае 1878 г. возник вопрос о том, имели ли право суды биев налагать на казахов штрафы в пользу казны или общества за убий-

ство, если у жертвы не было родственников, в пользу которых мог бы быть присужден традиционный кун — «плата за кровь». Кауфман в своем циркуляре высказал пожелание, чтобы кун в идеале был отменен, поскольку в результате административных реформ утратили актуальность родоплеменные подразделения, замененные волостями. Однако, продолжал он, в любом случае заменять кун штрафом не следует: это будет означать, что администрация (в пользу которой взимался бы штраф) станет представителем интересов потерпевших и, соответственно, участником судебного разбирательства на основе адата.³⁶

Целый ряд циркуляров был посвящен проблемам в отношениях между местным населением и имперской администрацией в процессуальной сфере.

В циркуляре, изданном в феврале 1878 г., зафиксирована проблема неисполнения администрацией решений народных судов, по поводу чего «туземцы» направляли властям многочисленные жалобы. Причем, когда эти жалобы проверяли сами главы местных администраций, они приходили к выводу, что большинство таковых носит «кляузный» характер. Когда же для проверки жалоб направлялись специальные чиновники из Ташкента, они находили практически все жалобы оправданными. Причиной тому, отмечал Кауфман, являлась «неблагонадежность» местных переводчиков, которые старались не допускать просителей к начальству, поэтому военным губернаторам областей рекомендовалось поручить подчиненным им уездным начальникам строго контролировать переводчиков, а еще лучше — чтобы главы уездных администраций сами знали местные языки.³⁷

В циркуляре от 27 января 1880 г. была поднята проблема разного подхода уездных судов к признанию в качестве судебного доказательства «васихов» (васика — документ о наследстве), составлявшихся кадиями. Причиной разнобоя являлось то, что многие документы не имели привычных для российских чиновников реквизитов — печати, подписи и пр. К. П. фон Кауфман рекомендовал признавать только те «васихи», которые не отрицались стороной, против которой предъявлялись в качестве доказательств. Если же такое признание отсутствовало, то документ не мог считаться

³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 129об. См. также: Сартори П. Указ. соч. С. 146, 147.

³³ См. подробнее: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 304–306; Тухтаметов Ф. Т. Указ. соч. С. 53, 54.

³⁴ См.: Почекаев Р. Ю. Обсуждение проекта «Положения об управлении в областях туркестанского генерал-губернаторства» 1873 г. на страницах столичной прессы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 26–30.

³⁵ См.: Тухтаметов Ф. Т. Указ. соч. С. 56, 57.

³⁶ См.: Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М., 2016. С. 202, 203.

³⁷ См.: Там же. С. 201, 202.

доказательством, и его обладателю следовало озаботиться поиском свидетелей.³⁸

Циркуляром от 20 сентября 1880 г. Кауфман реагирует на жалобы «туземцев», что их по итогам судебных разбирательств заставляют подписывать документы на русском языке, не объясняя содержания. Он рекомендует военным губернаторам обеспечивать сначала перевод документов на местный язык и давать их на ознакомление под подпись; если же местный житель владеет русским языком, то ему следует не только ставить подпись под документом, но и указать на нем, что содержание документа ему известно.³⁹

Крайне деликатному вопросу посвящен циркуляр, изданный также в сентябре 1880 г. — отказу представителей местного населения от присяги в русском суде под предлогом того, что ее принесение либо снижает их авторитет в глазах родственников и земляков, либо противоречит шариату.⁴⁰ Нередко происходили даже отказы от исков из-за нежелания присягать в порядке, определенном российским законодательством. Как представляется, в данном случае К. П. фон Кауфман отошел от своего принципиального взгляда на туркестанские реалии как специфические по сравнению с другими регионами: он предписал практиковать принесение присяги иноверцами в русском суде на основании действующего имперского законодательства (в частности, ст. 219 и прим. к ст. 235 ч. II т. XV Свода законов Российской империи) и считать, что в случае отказа от ее принесения показание участника разбирательства не будет иметь силы.⁴¹

Как видим, случаи, которым посвящены циркуляры, относятся к практике и судов биев, и судов кадиев, а также к разбирательствам дел местного населения российскими судами. Основанием для принятия К. П. фон Кауфманом рекомендаций являлись прежде всего многочисленные жалобы местного населения. Надо сказать, что эта практика, широко распространенная в местностях Туркестана еще в «ханский» период, при российском правлении приобрела еще большие масштабы. Ис-

следователи объясняют это тем, что раньше представители населения могли жаловаться на судей непосредственно правителям ханств, но при этом должны были соблюдать при составлении жалобы определенные требования, которые при имперском правлении были сняты.⁴² В частности, сам же Кауфман в циркуляре от 9 февраля 1879 г. предписывал, «чтобы за подачи ему жалоб, хотя бы и неправильных и страстных, никогда и ни в каком случае не было взыскиваемого ни под какими благодидными предлогами. Подавший ему жалобу должен быть неприкосновенным лицом до тех пор, пока не последует окончательное по делу решение».⁴³ Не приходится удивляться, что на администрации края разных уровней обрушился целый шквал таких жалоб, среди которых, несомненно, было немало и «кляузных».

С одной стороны, это свидетельствует о том, что меры по преобразованию традиционных судов и взаимодействию имперских судов с местным населением, разработанные К. П. фон Кауфманом, были не до конца продуманы и, соответственно, их приходилось адаптировать к практическому применению. С другой же — обилие подобных жалоб показывает, что местное население научилось взаимодействовать с имперскими властями и в столь специфической сфере, как процессуальная, отстаивая перед ними свои права и интересы — следовательно, политика аккультурации оказалась эффективной.

Впрочем, говорить о триумфе политики К. П. фон Кауфмана по реформированию традиционных судов Туркестана и приобщению местного населения к принципам и нормам имперского процессуального права не приходится, да и сам он скромно оценивал результаты своих преобразований. В отчете по итогам почти 15-летнего управления краем, подготовленном в 1881 г., Кауфман констатировал, что в регионе сохранялись традиционные суды с небольшими нововведениями (предусмотренными охарактеризованным выше проектом 1873 г.), в ведении которых находилось подавляющее большинство дел. Русские же суды рассматривали только наиболее тяжкие преступления (против государства или личности), а все остальные дела — лишь по обоюдному согласию тяжущихся. Единственным исключением являлись дела в семейной сфере: по

³⁸ См.: Там же. С. 204, 205.

³⁹ См.: Там же. С. 205, 206.

⁴⁰ Подобная проблема существовала во многих регионах, населенных мусульманами: они считали возможным принести ложную присягу по шариату, поскольку давали ее в суде «неверных», см. подробнее: Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.

⁴¹ См.: Туркестан в имперской политике... С. 206–209.

⁴² См.: Сартори П. Указ. соч. С. 173, 178.

⁴³ Цит. по: Отчет ревизующего, по высочайшему повелению, Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1883. С. 219.

ним российский суд являлся апелляционной инстанцией в случае несогласия одной из сторон с решением народного суда.⁴⁴ Более того, сам генерал-губернатор признавался, что в административно-территориальных единицах, вошедших в состав края уже после его образования (Зеравшанский округ, Ферганская область, Амударьинский отдел) никаких реформ не проводилось и там продолжали действовать прежние традиционные суды, в отношении которых имперская администрация осуществляла лишь общий надзор.⁴⁵ Только к концу 1881 г. были собраны необходимые сведения об особенностях суда и процесса на этих территориях, на основе которых можно было разрабатывать меры по их реформированию.⁴⁶

И раз даже сам реформатор столь взвешенно оценил свои успехи, неудивительно, что его недоброжелатели отнесли к ним еще более критично. В 1883 г. новый генерал-губернатор М. Г. Черняев инициировал сенатскую ревизию региона, по итогам которой начальник ревизионной комиссии Г. Ф. Гирс дал резко негативную оценку состоянию народных судов края. Главным обвинением К. П. фон Кауфману (умершему годом ранее) было осуществление им преобразования «не только без законодательной санкции, но вопреки желаний и указаний министерств; особыми циркулярами изменялись законы, определяющие права и обязанности должностных лиц судебного ведомства и самый порядок производства дел». Не менее серьезным обвинением было то, что генерал-губернатор позиционировал себя как высшую судебную инстанцию — апелляционную и надзорную, вплоть до присвоения права помилования, «что составляет прерогативу единой самодержавной власти в России». Не ограничиваясь общими замечаниями, Гирс привел и конкретные примеры вмешательства Кауфмана в деятельность народных судов, которые, согласно уверениям самого же генерал-губернатора, обладали всей полнотой власти: ревизор обвинял его в неоднократных пересмотрах «окончательных» решений съездов биев, передаче дел на рассмотрение съездам

других волостей или напрямую чиновникам собственной канцелярии. При этом, подчеркивал Гирс, некоторые решения отменялись даже «без объяснения мотивов».⁴⁷

Подобные выводы, несомненно, отражают противоречивость натуры К. П. фон Кауфмана, который, с одной стороны, стремился к четкой регламентации отношений во вверенном ему крае, с другой — не мог удержаться от соблазна реализовать и в процессуальной сфере чрезвычайные полномочия, которые были предоставлены ему императором Александром II при назначении на должность. Впрочем, следует принимать во внимание и крайне недоброжелательное отношение к нему ряда лиц, которые давали оценку его проектам и результатам деятельности — в частности, тех же Н. Ф. Петровского, Г. Ф. Гирса и М. Г. Черняева.

Анализ документов, подготовленных самим К. П. фон Кауфманом (либо под его руководством), как представляется, позволяет сформировать объективное представление если не о практической деятельности по реформированию традиционных судов в крае, то по крайней мере о позиции генерал-губернатора. И главное, что привлекает внимание в этих документах, — это крайне осторожный, можно даже сказать, опасливый подход к масштабу и темпам преобразований. Кауфман в полной мере отдавал себе отчет, что и местное население, веками жившее под влиянием народных обычаев и шариата, не было готово к быстрому восприятию имперской системы ценностей, и сами русские администраторы не до конца усвоили специфику региона, которым им приходилось управлять. Любой перегиб мог повлечь рост недовольства многочисленного населения вплоть до открытого выступления против новых властей. Также нельзя игнорировать тот факт, что в течение почти всего правления Кауфмана вверенный ему регион постоянно расширялся и пополнялся новыми владениями, темпы преобразований в которых были еще медленнее. Наконец, не следует забывать, что в разгаре была «Большая игра» — соперничество России и Англии за контроль над Центральной Азией. Любой просчет в деле управления и реформирования мог быть использован англичанами для ослабления в столь проблемном регионе российского влияния и, соответственно, укрепления собственного.

⁴⁴ См.: Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 45, 46.

⁴⁵ Ср.: Временное положение об управлении Аму-Дарьинским округом // Туркестанский сборник. Ташкент, 1873. Т. 72. С. 50, 51. См. также: Васильев Д. В. Указ. соч. С. 341, 367; Тухтаметов Ф. Т. Указ. соч. С. 32.

⁴⁶ См.: Проект всеподданнейшего отчета... С. 67.

⁴⁷ Гирс Ф. К. Отчет ревизиющего... С. 206, 215, 218, 229, 230. См. также: Центральная Азия в составе Российской империи. С. 99, 100.

Все это прекрасно понимал К. П. фон Кауфман, поэтому, искренне желая модернизировать Среднюю Азию, поднять уровень социально-экономического и культурного развития местного населения и приобщить его к общеимперским ценностям, он делал это крайне медленно, не желая вызывать недовольство представителей традиционного типа культуры и государственности. Именно поэтому выбранный им способ фронтальной модернизации, охарактеризованный выше как аккультурация местного населения, в данных условиях являлся наиболее оптимальным и

эффективным. В заключение отметим, что ряд предложений Кауфмана, раскритикованных при его жизни, впоследствии был учтен при разработке и введении в действие новых правовых актов, регламентировавших правовое положение Туркестана — в частности, Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. Видимо, власти сочли, что к этому времени население региона уже оказалось подготовленным к преобразованиям в процессуальной сфере, которые примерно полтора десятилетия назад представлялись им слишком радикальными.

Roman Yu. Pochekaev

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: rpochekaev@hse.ru

GOVERNOR-GENERAL K. P. VON KAUFMAN ON REFORMS OF THE TURKESTAN TRADITIONAL COURTS IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE REGIONAL STRUCTURE

The article is devoted to the projects of reforms of the traditional court system of the Turkestan Region offered by Governor-General K. P. von Kaufman in the 1870s and to the problems of their realization. The court reforms are analyzed as a direction of the frontier modernization policy of Russia's Central Asia, whilst the transformations themselves were both a way and an objective of modernization actions. The specific situation in the region as well as an ambiguous position of central and regional authorities towards the Kaufman's proposals gave rise to the special approach to the reforms which could be characterized as an acculturation. The author considers the problems Kaufman and his subordinates confronted during the reformation process and evaluations of its results by an initiator and his opponents. It is concluded that due to different reasons K. P. von Kaufman was not successful in his court reform, but some his proposals would be taken into account during the further transformations in Turkestan. The basic sources of the research are the documents of Kaufman himself as well as materials of Russian imperial authorities of different level reflected their position towards his reforms.

Key words: *Russian Empire, Turkestan Region, traditional court, court reforms, K. P. von Kaufman, frontier modernization, acculturation*

REFERENCES

Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noye izmereniye [Actors of Russian Imperial Modernization (18th — Early 20th Century): A Regional Dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2016. (in Russ.).

Anisimova I. V. [Imperial Judicial Policy in the Central Asian Suburbs in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Main Forms, Directions, and Results]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2022, vol. 7, no. 1 (25), pp. 207–228. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.376 (in Russ.).

Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii) [Imperial Policy of Acculturation and the Problem of Colonialism (On the Example of Nomadic and Semi-Nomadic Peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019. (in Russ.).

Kotyukova T. V. [Turkestan in a Discourse of Frontier Modernization of the Russian Empire at the End of 19th — the Beginning of the 20th Century]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], 2015, vol. 11, no. 1, pp. 43–54. (in Russ.).

Kotyukova T. V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [The Outskirts in a Special Position... Turkestan on the Eve of the Drama]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. (in Russ.).

- Krestyannikov E. A. *Sudebnaya reforma v Zapadnoy Sibiri* [Judicial Reform in Western Siberia]. Tyumen: Express Publ., 2009. (in Russ.).
- Lyubichankovsky S. V. [Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach]. *Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal* [History: Electronic Scientific and Educational Journal], 2019, vol. 10, iss. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840006065-0. (in Russ.).
- Morrison A. S. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford University Press, 2008. (in English).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier Modernization in the East of the Russian Empire: Regional Variations]. *Ural'skiy istoriceskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Peripheral Modernization in the Russian Empire: Regional Variants]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, vol. 10, pp. 179–200. (in Russ.).
- Pochekaev R. Yu. [A Discussion of the Draft “Provisions on Governance in the Turkestan Governorate-General Regions” of 1873 on the Pages of Capital Newspapers]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2018, no. 2, pp. 26–30. (in Russ.).
- Rossiya — Srednyaya Aziya* [Russia — Central Asia]. Moscow: URSS Publ., 2011, vol. 1: Politics and Islam in the Late 18th — Early 20th Centuries. (in Russ.).
- Sartori P. *Idei o spravedlivosti: shariat i kul'turnyye izmeneniya v russkom Turkestane* [Visions of Justice: Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2022. (in Russ.).
- Tsentrāl'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008. (in Russ.).
- Tsentrāl'naya Evraziya: Territoriya mezhkul'turnykh kommunikatsiy* [Central Eurasia: A Territory of Intercultural Communications]. Moscow: IV RAN Publ., 2020. (in Russ.).
- Tukhtametov F. T. *Pravovoye polozheniye Turkestana v Rossiyskoy imperii: Vtoraya polovina XIX veka* [The Legal Status of Turkestan in the Russian Empire: Second Half of the 19th Century]. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo un-ta Publ., 1999. (in Russ.).
- Vasiliev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentrāl'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The Burden of an Empire. Russia's Administrative Policy in Central Asia. Second Half of the 19th Century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. (in Russ.).
- Zaitsev I. V. [The Problem of Verification of Muslims' Religious Vows to Christian Authorities in Russia in 16th–19th Centuries]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2008, no. 4, pp. 3–9. (in Russ.).

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Генерал-губернатор К. П. фон Кауфман о реформе традиционных судов Туркестана в контексте формирования структуры региона // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 43–52. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-43-52.

For citation: Pochekaev R. Yu. Governor-General K. P. von Kaufman on Reforms of the Turkestan Traditional Courts in the Context of Formation of the Regional Structure // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 43–52. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-43-52.